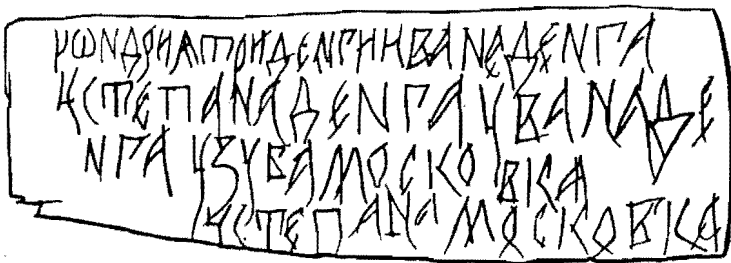

Грамота может быть разделена на слова так:

«У Ондрия три денги, (у) Ивана денга, у Степана денга, у (И)вана денга, у Зуба московка, у Степана московка».

«Зубъ» — имя человека. Такое имя уже встретилось в берестяной грамоте № 416. «Московка» — денга московская, монета. В результате денежных реформ Василия Темного соотношение монетных норм Новгорода и Москвы установилось таким образом, что московская денга

495

Прорись грамоты № 495

приравнялась ровно половине новгородской (они весили соответственно около 0,40 и 0,79 г серебра). Это соотношение легло в основу общерусской денежной системы при Иване III, когда в рубле стали считать 100 новгородских денег или 200 московских денег. Во время реформы Елены Глинской в начале 30-х годов XVI в. при общем понижении монетных норм такое соотношение сохраняется, но новгородка начинает официально называться копейкой (0,68 г), а московка — денгой (0,34 г). Обиходные названия этих монет — новгородка и московка — сохраняются тем не менее до XVII в. В грамоте, поскольку она относится еще к XV в., речь идет о реальных монетах, чеканенных в Новгороде и в Москве. Общая сумма фигурирующих в ней денег равна 7 новгородским денгам или 14 московским денгам, что составляет ровно половину новгородской гривны XV в. Семь новгородок были выданы шестерым людям: Андрею, двум Иванам, двум Степанам, Зубу, о чем и составлена памятная записка.

Грамота № 496

Грамота № 496 найдена при раскопках на ул. Кирова, в квадрате 22, на глубине 2,99 м. Это целый документ, не процарапанный, а написанный чернилами. В коллекции Новгородской экспедиции имелась до этой находки только одна чернильная грамота (№ 13), обнаруженная в 1952 г. на Неревском раскопе в слоях второй половины XV в. После очистки грамоты № 496 от грязи и фотографирования ее в инфракрасных лучах в Ленинградской лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР опытными специалистами под руководством Д. П. Эрстова было установлено, что документ в результате длительного пребывания во влажной почве утратил часть текста, особенно в левой половине листа:

-и-----Замнюрѣтѣиоудареверозбѣемънамиханаицнѣдворънаснаевоинаеа
-----ажи-алассънософоноско-игнаткѣимъвоѣзератомъсмакхи
-----лѣвѣ-сѣгрихънѣвалкоклиментѣникѣстѣхъно-мартынѣ-атаа
-га-----ниддворърозграбианаживотыезданиитницѣелиза
рѣвѣ-----оръразграбианаидиитѣрѣниипѣрѣкололи:азъветомъ
сѣаѣ-----одинъбѣатоделлосъескнѣделюдoproкола.

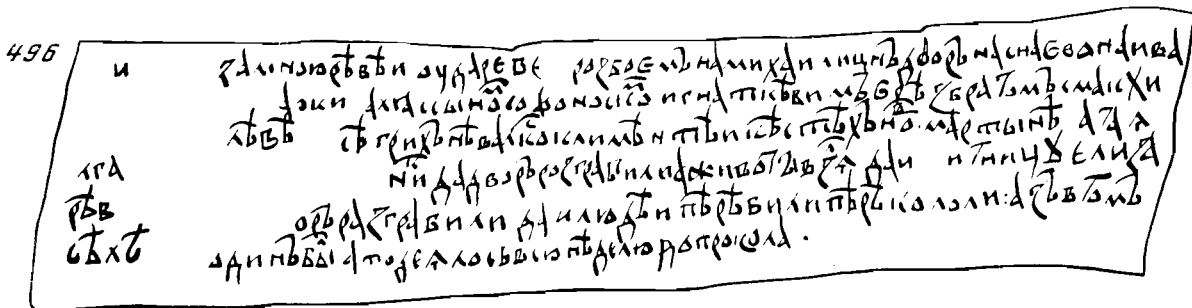
Длина 18,5 см, ширина 4 см.

Стратиграфическая дата: середина XV в. Почерк — скоропись, все приметы которой не выходят за пределы XV в.

Разделить грамоту на слова можно так:

«. . . за мно Юр(ь)еве и о(с)удареве розбоемъ на Михаилиц(ы)нъ дворъ, на с(ы)на ево на Ива(нка)
 . . . а Жи(г)алья с сыном с Офоноском Игнаткевимъ (д)вое з братомъ с Макхи(мком) . . . леве . . . се,
 Грихъне, Вас(и)лко, Климентейке Стехънов, Мартыне . . . атая . . . ник, да дворъ розграбили,
 а животы взял(и), да и (ж)итницу Елизарев(у) . . . (дв)оръ разграбили, да и людей перебили,
 переколоти. Азь в томъ селе, (осп)одинъ, был. А то деялось всю неделю до Прокла».

Можно только сожалеть о плохой сохранности документа, который, судя по остаткам текста, сообщает о достаточно важных событиях политической жизни. В нем описывается нападение на несколько дворов, в том числе на Михайлицын двор, «на сына ево на Иванка», а также на житницу и двор Елизара. Говорится о том, что дворы были разграблены, имущество («животы») взято,

Прорись грамоты № 496 (чернильной)

а люди перебиты и переколоты. Имеется в грамоте, по-видимому, и список жертв: Жи(г)аль с сыном Офоноском Игнатковым вдвоем с братом Максимкой, Грихне, Василько, Климентейке Стехнов, Мартын и другие, имена которых дефектны. Нападение было совершено какими-то «Юрьевыми» и государевыми людьми.

Летописи XV в. неоднократно описывают случаи, подобные изложенному в грамоте. В 1475 г., во время так называемого мирного похода Ивана III на Новгород, к нему обратились старосты Славковой и Никитиной улиц, а также бояре Полинарьины с жалобой на разбойное нападение, предпринятое большой группой бояр во главе с Богданом Есиповым, Василием Никифоровым и старостой Федоровской улицы Памфилом. Жалоба употребляет те же выражения, что и рассматриваемая грамота: «. . . людей перебили и переграбили, а животов людских на тысящу рублей взяли, а людей многих до смерти перебили», «. . . наехав на их двор, людей у них перебили, а живот розграбили, а взяли на 500 рублей»⁶⁶. Наша грамота не имеет отношения к этому событию. Ее автор сам был очевидцем нападения, которое произошло в каком-то селе («Азь в томъ селе, осподинъ, был»).

Насильственные действия государевых людей в селе позволяют предполагать, что они, возможно, были связаны со взятием «черного бора». Если это так, определенную основу для хронологических наблюдений дает упоминание Юрия, чьи люди вместе с государевыми были участниками нападения на дворы. Под 6945 г. Новгородская I летопись сообщает: «Прииха в Новгород с Москве, от князя великаго Василья Васильевича, князь Юрьи Патракиевич чорнаго бору прошати, и новгородци даша князю черныи бор, и выиха из Новагорода князь Юрьи Патракиевич». Отмеченное событие стоит в начале погодного рассказа и, поскольку летопись пользуется мартовским циклом, относится к весне 1437 г. Между тем грамота содержит указание на то, что нападение произошло в воскресенье накануне Проклова дня («А то деялось всю неделю до Прокла»). Поскольку Прокловым днем могли называть или 12 июля, или 20 ноября, описываемое в ней со-

⁶⁶ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 163.

бытие к 1437 г. отнести невозможно. Кроме того, в 1437 г. 11 июля падало на четверг, а 19 ноября — на вторник.

Если идти от этой календарной даты, то легко установить, что на воскресенье 11 июля падало в 1445 г. Летопись под этим годом рассказывает о двух событиях, которые полностью совпадают с показаниями рассматриваемой грамоты. Она сообщает о приезде в Новгород князя Юрия: «Того же лета приеха в Новѣгород с Москвы князь Юрьи Лугвеньевич, и новгородци даша ему корьмление, по волости хлеб, а пригородов не даша» — и о насилиях по волости: «А в то же время не бе в Новегороде правде и праваго суда, и вѣсташа ябетници, изнарядиша четы и обеты и целованья на неправду, и начаша грабити по селам и по волостем и по городу; и беахом в поруганье суседом нашим, сущим окрест нас; и бе по волости изъежа велика и боры частыя, криць и рыдание и вопль и клятва всими людьми на старейшины наша и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права»⁶⁷.

Следует напомнить, что насильственные действия администрации в новгородских селах в 1445 г. оказались отмеченными и в берестяной грамоте № 307, содержащей челобитье крестьян Избоищан цевестке и внукам Юрия Онцифоровича.

Отметим также, что взыскание податей княжескими людьми по условиям докончаний допускалось только после Петрова дня (29 июня), что также соответствует дате грамоты и объясняет наличие в селе государевых людей 11 июля.

Пытаясь реконструировать начало текста, мы не найдем в нем места ни для обращения, ни для логического восстановления грамматической конструкции фразы. Поэтому допустимо предположить, что письмо о нападении на дворы было написано по крайней мере на двух листах бересты, и до нас дошел последний лист этого послания.

Грамота № 497

Грамота № 497 найдена при раскопках на ул. Кирова, в квадрате 79, на глубине 3,30 м. Это целое письмо:

поколоногаврианѣпосеникоз
ати моему ко горигори жи куму и ко сестори моеи
оу улити. Чоби есте поихали во городо ко радости моеи,
а нашего солова не оставили. Да бого вамо радости.
Ми вашего солова вохи не отсотавимо.

Длина 19,6 см, ширина 9,8 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.; грамота найдена на уровне сооружений 1375—1380 гг. Писавший употребляет ступенчатую В, характерную для этого времени. Своеобразная форма написания У, сохраняющей рудиментарные остатки изображения этого звука через ОУ, особого хронологического значения не имеет. Такая форма встречена в берестяных грамотах первой половины XIV в. (№ 54, 288), конца XIV в. (№ 339) и первой половины XV в. (№ 299).

Грамота может быть разделена на слова так:

«Поколоно от Гаврили от Посени ко зати моему ко Горигори жи куму и ко сестори моеи ко Улити. Чоби есте поихали во городо ко радости моеи, а нашего солова не оставили. Да бого вамо радости. Ми вашего солова вохи не отсотавимо».

⁶⁷ Новгородская Первая летопись. . . , с. 419, 424, 425.